

О вакхической лексике в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

Ольга Альбертовна Димитриева, Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева (Россия, Чебоксары), olgaal_79@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170008295-3

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается лексика, характеризующая ситуацию, связанную с употреблением спиртного, или вакхическая лексика, в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Анализируются языковые средства, используемые автором для характеристики состояния опьянения, их особенности в романе; отмечается особая роль имени прилагательного при осмыслении ситуации *винопития*, сочетаемостные особенности с темпоральными и количественными наречиями, а также с наречиями со значением качественной характеристики признака. Обращается внимание на некоторые возможности вакхических слов в пространственной организации мира героев, в частности анализируются различия между *за пивом* и *перед посудинкой*. Описывается связь героев-двойников через вакхическую лексику (на примере Раскольников и Свидригайлова). Автор приходит к выводу о неслучайности первоначального замысла названия романа «Пьяненькие», особом наполнении данной лексемы. Вакхическая лексика используется Достоевским для выражения сильного эмоционального потрясения, физическое воплощение которого отождествляется с алкогольным опьянением. Так, Раскольников часто принимают за пьяного: в сцене после совершения убийства и во время покаяния на площади его внешний вид отождествляется с состоянием избыточного алкогольного опьянения, выражаемого интенсивными глаголами со

словообразовательным формантом *на-...-ся*. Вакхическая лексика выполняет символическую роль.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Достоевский, семантика, вакхическая лексика, художественный текст, индивидуально-авторская картина мира

для цитирования: Дмитриева О. А. О вакхической лексике в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русская речь. 2020. № 1. С. 56–67. DOI: 10.31857/S013161170008295-3.

The Language of Fiction

On Bacchic Vocabulary in F. M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment"

Olga A. Dimitrieva, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (Russia, Cheboksary),
olgaal_79@mail.ru

ABSTRACT: The article deals with the vocabulary characterizing the situation associated with the use of alcohol, or Bacchic vocabulary, in F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". We've considered the language used by the author to characterize the state of intoxication and its peculiarities in his novel. The research suggests that the adjectives in the novel play a special part in helping us understand atmosphere of wine drinking. The word combinations of adjectives and temporal and quantitative adverbs, as well as adverbs with the qualitative characteristic of the attribute, are also of interest.

The article draws attention to the fact that some Bacchic words have a peculiar connection to the spatial world of the novel. In particular, we analyze the differences between two expressions *za pivom* (*while drinking beer*) and *pered posudinkoi* (*literally in front of the bottle*). The paper proposes that through the use of Bacchic vocabulary F. M. Dostoyevsky established a connection between lookalike heroes (e. g. Raskolnikov and Svidrigailov). It is

concluded that the original intent to name the novel “The Drunken” was deliberate and this lexeme bore a special meaning. The Bacchic vocabulary is used by Dostoevsky to express a strong emotional shock, the physical embodiment of which is associated with alcohol intoxication. For example, Raskolnikov is often mistaken for a drunken: in the scene after the murder and during repentance in the square, his appearance is associated with the state of excessive alcoholic intoxication, expressed by intense verbs with a word formant *na- ... -sya*. In conclusion, it is to say that Bacchic vocabulary has a symbolic role in the novel.

KEYWORDS: Dostoevsky, semantics, Bacchic vocabulary, literary text, individual author’s worldview

FOR CITATION: Dimitrieva O. A. On Bacchic Vocabulary in F. M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 1. Pp. 56–67. DOI: 10.31857/S013161170008295-3.

Вводные замечания

Замысел романа «Преступление и наказание» «претерпел сложную эволюцию», — пишет Г. М. Фридлиндер [Фридлиндер 1964: 137]. В нем соединились две идеи. Первая — роман «Пьяненькие», о котором Ф. М. Достоевский сообщает в своем письме А. А. Краевскому от 8 июня 1865 г.: «Роман мой называется «Пьяненькие» и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч.» [Достоевский 1985: 127]. Вторая — повесть, содержащая «психологический отчет одного преступления», о ее замысле автор сообщает осенью того же года М. Н. Каткову [Достоевский 1985: 136] (подробнее см. [Фридлиндер 1964]). Таким образом, ранее задуманные роман и повесть превращаются в один большой «полифонический», по М. М. Бахтину, роман.

Почему именно для этого романа лексемы *пьяный/пьяненький* становятся значимыми? «С первых же страниц, — пишет С. Б. Пухачев, — бросается в глаза обилие пьяных» [Пухачев 2006: 47]. А. М. Павлов, М. А. Лагода соотносят пролитие крови, убийство в романе «с мотивом *пьянства*, имеющим отношение к полюсу “безобразия”, развоплощенности» [Павлов, Лагода 2006: 87].

Возьмем, к примеру, «пятикнижие» Достоевского и приведем некоторые статистические выкладки о соотношении частотности употребления слов *пьяный/пьяненький* (по данным Национального корпуса русского

языка). «Преступление и наказание» (1866): количество слов в романе — 171 209, лексема *пьяный* используется автором 84 раза, *пьяненький* — 5; «Идиот» (1868–1869): 207 587 слов, *пьяный* — 39 вхождений, *пьяненький* — 0; «Бесы» (1871–1872): 208 482 слова, *пьяный* — 56 вхождений, *пьяненький* — 0; «Подросток» (1875): 189 205 слов, *пьяный* — 10 вхождений, *пьяненький* — 0; «Братья Карамазовы» (1879–1880): 294 234 слова, *пьяный* — 94 вхождения, *пьяненький* — 4. Самое большое количество в романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» (в процентном соотношении к общему объему слов — 0,049 % и 0,031 % соответственно). Данные слова обладают дополнительными, авторскими, оттенками.

«Смысл слова в художественном произведении, — пишет В. В. Виноградов, — никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами...» [Виноградов 1954: 16]. Составители «Словаря языка Достоевского» выделяют слова (идиоглоссы), которые являются «концентрированным выражением специфики языка... и стиля» писателя [Караулов 2001: 426], отражают «мирообразующие и мироформирующие идеи автора» [Там же]. В списке идиоглосс составленного словника мы находим слова *пить, пьющий, пьяненький, пьяница, пьянство, пьяный* [Ружицкий 2015: 424–426], т. е. рассматриваемые слова являются, по выражению Ю. Н. Караулова, «элементами авторского образа мира», «ключевыми словами», «точками концентрации смысла», «своеобразными центрами аттракции» [Караулов 2001: 427–428].

Рассмотрим прежде всего языковые средства, используемые автором для характеристики состояния опьянения, их особенности в романе; далее опишем некоторые возможности вакхических слов в пространственной организации героев и связь героев-двойников через вакхическую лексику.

Описание состояния

Описание состояния героя выражается различными языковыми средствами, но наиболее частотным в романе является ряд прилагательного. Это, во-первых, прилагательное *пьяный* (в полной и краткой формах) и его субстантивированный вариант, диминутив *пьяненький* (его фонетический вариант *пьяненькой(-с)*), с префиксоидом *полу-* (*полупьяный*), в составе сложных слов *мертво-пьяный, пьяный-препьяный*, плеоназмы *пьян не пьян, напиться пьяным*; а также однокоренные наречия со значением причины *спяну*, степени *допьяна*; во-вторых, прилагательное *хмельной* (в полной и краткой формах) и однокоренное причастие *захмелевший*; в-третьих, прилагательное *нетверезый* и его краткий вариант *нетверез*;

в-четвертых, бывшее причастие *пьющий* употребляется как в форме прилагательного, так и существительного.

Степень опьянения, качественные характеристики и привычки выражаются через сочетаемость с наречиями:

1) с темпоральной семантикой: *Потом от вас мигом к себе, — там у меня гости, все пьяные, — беру Зосимова — это доктор, который его лечит, он теперь у меня сидит, не пьян; этот не пьян, этот **никогда не пьян!*** (Разумихин о враче Зосимове, с. 122)¹; *Опять пыль, кирпич и известка, опять вонь из лавочек и распивочных, опять **поминутно пьяные**, чухонцы-разносчики и полуразвалившиеся извозчики* (с. 59); *Девочка говорила не умолкая; кое-как можно было угадать из всех этих рассказов, что это не любимый ребенок, которого мать, какая-нибудь **вечно пьяная кухарка**, вероятно из здешней же гостиницы, заколотила и запугала* (с. 307). Следует отметить, что Раскольников определяет время по пьяным голосам под своими окнами: *До него [Расколькова] доносились страшные, отчаянные вопли с улицы, которые, впрочем, он **каждую ночь выслушивал под своим окном в третьем часу**. Они-то и разбудили его теперь. «А! вот уже и из распивочных **пьяные выходят**, — подумал он, — третий час, — и вдруг вскочил, точно его сорвал кто с дивана. — Как! **Третий уже час!**»* (с. 56);

2) указывающие на степень проявления признака, который выражает два количественных полюса (много/мало): *совсем, очень, очень много, немного, капельку;*

3) со значением качественной характеристики признака: *грязно пьян* (говорит о себе Разумихин); — *Ах стыд-то какой теперь завелся на свете, Господи! Этакая немудреная, и уж **пьяная!*** (городовой о молодой девушке, с. 32).

В романе возникает ощущение постоянного, непрерывного движения пьяных: *...совсем **пьяная**, сейчас **шла** по бульвару...* (с. 31); *...кругом кабака **шлялись** всегда такие **пьяные и страшные рожи**...* (с. 35); *...из кабака **выходят** с криками, с песнями, с балалайками **пьяные-препьяные большие такие мужики**...* (с. 36); *...а они **пришоль пьян**...* (с. 62); *Он [Мармеладов] теперь, верно, **пьяный**, домой **пробирался*** (с. 107) и т. п.

Глагольный ряд представлен глаголом *пить* и его дериватами *выпить* (в однократном, результативном (статальном) значениях), *запить* (в начинательном значении), *напиться* (и другими сатуративными глаголами *нахлестаться*, *нарезаться*), интенсивным глаголом *допить*, многократным глаголом *пивать*; *пропить*, а также *охмелеть*, *пьянствовать* и в значении одноактного действия, обозначенного глаголами *вливать в себя*; *стукнуть (водки)*. В пределах одного высказывания глаголы *пить* (*про-*

¹ Здесь и далее примеры приводятся по изданию [Достоевский 1993].

пить) употребляются трижды для выделения и нагнетания смысла, например, в речи Мармеладова: — *Такова уж черта моя! Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ее пропил? Не башмаки-с, ибо это хотя сколько-нибудь походило бы на порядок вещей, а чулки, чулки ее пропил-с! Косыночку ее из козьего пуха тоже пропил, дареную, прежнюю, ее собственную, не мою; а живем мы в холодном угле, и она в эту зиму простудилась и кашлять пошла уже кровью <...> Разве я не чувствую? И чем более пью, тем более и чувствую. Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищущу... Пью, ибо сугубо страдать хочу! — И он, как бы в отчаянии, склонил на стол голову (с. 13). В речи Мармеладова *пить* соотносится с *чувствовать (страдать)*, со скорбью и обреченностью.*

Субстантивный ряд выражается словосочетаниями *под влиянием Бахуса, во хмелю (хмель сидит)*. Адвербиальный ряд репрезентирован наречиями *навеселе, выпивши*.

Об участии вакхических слов в пространственной организации персонажей

Приведем два примера из романа, которые описывают одну сцену из первого посещения Раскольниковым распивочной: (1) *В распивочной на ту пору оставалось мало народу. <...> Остались: один хмельной, но немного, сидевший за пивом, с виду мещанин; товарищ его, толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой, очень захмелевший, задремавший на лавке и изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами, расставив руки врозь, и подпрыгивать верхнюю часть корпуса, не вставая с лавки, причем подпевал какую-то ерунду, силясь припомнить стихи...* (с. 9);

(2) *Был тут и еще один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника. Он сидел особо, перед своею посудинкой, изредка отпивая и поглядывая кругом. Он был тоже как будто в некотором волнении* (с. 10).

Для анализа этих двух отрывков прежде всего введем понятие, разработанное Ю. Д. Апресяном, «фасадное/нефасадное существительное» и приведем словарное толкование выделенных предлогов. Два пространственных предлога с антонимической семантикой *перед — за* описывают прежде всего расположение предмета, для которого актуальным является нетривиальный семантический признак фасадности/нефасадности, т. е. фасадные существительные «обладают собственной неизменной анатомией, не зависящей от ситуации восприятия, перемещения наблюдателя и т. п.» [Апресян 2009: 115–116], по нефасадным существительным невозможно определить нахождение верха/низа, правой стороны / левой и т. д., их расположение указывается с точки зрения наблюдателя (подробнее см. [Апресян 2009]).

Пространственным предлогам свойственно также упорядочивать событийную лексику. В «Словаре русского языка» отмечается, что предлог *перед* может указывать «на предмет, лицо и т. д., к которому непосредственно обращено внимание какого-л. лица или по отношению к которому совершается действие этого лица. *Вертеться перед зеркалом. Молиться перед иконой*» [Евгеньева (ред.) 1999 3: 57–58]; а предлог *за* в сочетании с творительным падежом существительного «употребляется при обозначении предмета, около которого в непосредственной близости находится, размещается кто-л. для какого-л. действия, занятия (с глаголами состояния: *сидеть, стоять, находиться* и т. п.). *Сидеть за столом* <...>// при обозначении орудия или средства действия, занятия, а также при обозначении занятия, дела, которым кто-л. занят» [Евгеньева (ред.) 1999 1: 490–491].

Вернемся к приведенным отрывкам. В примере 1 описываются два человека, находящиеся в состоянии разной степени опьянения, что обозначается посредством слов с противоположной семантикой: состояние первого описывается с помощью качественного прилагательного в сочетании с наречием меры и степени *хмельной, но немного*, для характеристики второго используется однокоренной с прилагательным глагол со значением изменения состояния (*хмелеть — захмелеть*) в форме причастия, также в сочетании с наречием — *очень захмелевший*. Акцентируется внимание на их месторасположении: первый — *сидел* (туловище расположено вертикально, бодрствовал), второй — *задремавший на лавке* (сидя, опершись на стол руками, спал). Далее указывается их деятельность: *за пивом* — обозначается объект — наименование напитка — и так определен способ времяпровождения, которым он занят, второй — *изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами; подпевал*. Неоднозначность, асимметрия двух образов наблюдается и в описании внешности: первый персонаж по социальному статусу определен как мещанин, по выражению *его товарищ* можно предположить, что оба посетителя распивочной мещане; далее для второго дается описание ярких черт внешности: *толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой*. Обозначим ряд контекстуально противоположных по семантике слов, характеризующих состояние двух человек: *хмельной — захмелевший, немного — очень, сидеть — задремать, за пивом* (т. е. за столом) — *на лавке*.

В примере 2, с одной стороны, нефасадное существительное *посудинка* в сочетании с предлогом *перед* предполагает включение наблюдателя, роль которого здесь выполняет Раскольников, и, как кажется, определяет лишь пространственные характеристики Мармеладова, его местонахождение. С другой стороны, его расположение определяется относительно вещи, которая становится своеобразным статическим центром притяже-

ния (ср. с иллюстрациями из словаря *вертеться перед зеркалом, молиться перед иконой*, которые предполагают, помимо концентрации внимания на объекте, его неподвижность, статику). Однородный ряд обстоятельств образа действия — *особо, перед своею посудинкой, изредка отпивая и по-сматривая кругом* (ср. с ответом на вопрос *Как провел время? Перед телевизором*) — эксплицирует сосредоточенность героя на посудинке, указывает на его времяпрепровождение и одиночество.

«Вакхический круг» Раскольникова и Свидригайлова

Слова с вакхической семантикой открывают и замыкают путь героя, являются при этом особым местом сфокусированности смысла. Опишем круг Раскольникова: начнем с его встречи с Мармеладовым. В романе слово *пьяненький* употребляется пять раз (по сути это две сцены): в первый раз — в разговоре с Раскольниковым Мармеладов описывает себя, свое бездействие (*лежал*) и свои страдания, когда Лебезятников избивает его жену и в тот момент, когда Соня впервые отправляется по желтому билету: *Когда господин Лебезятников, тому месяц назад, супругу мою собственноручно избил, а я лежал пьяненькой, разве я не страдал?* (с. 15); *А тут ребятишки голодные... <...> Лежал я тогда... ну, да уж что! лежал пьяненькой-с, и слышу, говорит моя Соня (безответная она, и голосок у ней такой кроткий... белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое), говорит: «Что ж, Катерина Ивановна, неужели же мне на такое дело пойти?»* (там же); *...А я, как и давеча, в том же виде лежал-с... И видел я тогда, молодой человек, видел я, как затем Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла к Сонечкиной постельке и весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги ей целовала, встать не хотела, а потом так обе и заснули вместе, обнявшись... обе... обе... да-с... а я... лежал пьяненькой-с* (там же). И здесь же Мармеладов произносит слова, выражающие идею Божьего всепрощения: *И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смирных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!»* И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: «Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!» И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: «Господи! почто сих приемлеш?» И скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...» (с. 18). И только в конце романа, когда Раскольников идет на площадь просить прощения, вновь возникает образ именно *пьяненького*, в уста которого вложены слова понимания действий Раскольникова и образ которого соотносится с мармеладовской речью: — *Это он в Иерусалим идет,*

братцы, с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется, столичный город Санкт-Петербург и его грунт лобызает, — прибавил какой-то пьяненький из мещан (с. 317).

Отметим также внутреннее состояние эмоционального и физического потрясения Раскольникова, его восприятие со стороны и вербализацию с помощью глаголов с конфиксом *на-...-ся* со значением пресыщенности действием и частицы *ишь*, подчеркивающей, выделяющей это состояние: 1) после совершения убийства: *Но все эти мучения до того его обессилили, что он едва двигался. Пот шел из него каплями; шея была вся смочена. «Ишь нарезался!»* — крикнул кто-то ему, когда он вышел на канаву. Он плохо теперь помнил себя; чем дальше, тем хуже (с. 54); 2) в сцене покаяния на площади: *И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. Все разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю...* Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз. — *Ишь нахлестался!* — заметил подле него один парень (с. 317). Надо сказать, что это не единственные случаи, когда Раскольникова принимают за пьяного: *Он [Раскольников] шел по тротуару, как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними...* (с. 9); *Путь же взял он [Раскольников] по направлению к Васильевскому о-ву через В-й проспект, как будто торопясь туда за делом, но, по обыкновению своему, шел не замечая дороги, шепча про себя и даже говоря вслух с собою, чем он очень удивлял прохожих. Многие принимали его за пьяного* (с. 27); когда он чуть ли не попадает под колеса, как и Мармеладов, кучер ударяет его кнутом: — *Известно, пьяным представится да нарочно и лезет под колеса; а ты за него отвечай* (с. 70).

Путь Свидригайлова (одного из двойников Раскольникова) идет в тесной связи с движением самого Раскольникова, является его отражением. «В каждом из них (то есть двойников), — пишет М. М. Бахтин, — герой умирает (то есть отрицается), чтобы обновиться (то есть очиститься и подняться над самим собою)» [Бахтин 2002: 144].

После совершения преступления, почувствовав, что невозможно выносить моральные муки, Раскольников решает больше не возвращаться домой, уходит на улицу и думает о самоубийстве: *Подле, на мостовой, шлялся, громко ругаясь, пьяный солдат с папирской и, казалось, куда-то хотел войти, но как будто забыл куда. Один оборванец ругался с другим оборванцем, и какой-то мертво-пьяный валялся поперек улицы* (с. 96). Свидригайлов, решившись на последний шаг и совершая свой послед-

ний путь (так же, как и Раскольников *по трактирам и клоакам*), перед самоубийством видит пьяного: *Он [Свидригайлов] уже поравнялся с большим каменным домом. Грязная, издрогшая собачонка, с поджатым хвостом, перебежала ему дорогу. Какой-то мертво-пьяный в шинели, лицом вниз, лежал поперек тротуара* (с. 308). Почти полностью совпадающее описание — использование неопределенного местоимения *какой-то*, субстантивированного прилагательного *мертво-пьяный*, указание на расположение (*валялся/лежал*) с одинаковым предлогом *поперек* — делает возможным соотнести их мысли и чувства, показать своего рода тупик, но с тем чтобы одному возродиться, обновиться, а другому — довести до конца задуманное (*лицом вниз*).

Когда Раскольников идет на площадь просить прощения, по пути он видит приплясывающего пьяного (не мертво-пьяного, как Свидригайлов): *Он вошел на Сенную. <...> В толпе безобразничал один пьяный: ему все хотелось плясать, но он все валился на сторону. Его обступили. Раскольников протиснулся сквозь толпу, несколько минут смотрел на пьяного и вдруг коротко и отрывисто захохотал* (с. 316).

Во время ночного неожиданного визита Свидригайлова к родителям его молодой невесты, они подумали, что он пьян — используется такой же глагол, как и при характеристике Раскольникова, — *нахлестаться*: *Насилу достучался [Свидригайлов] и вначале произвел было большое смятение; но Аркадий Иванович, когда хотел, был человек с весьма обворожительными манерами, так что первоначальная (хотя, впрочем, весьма остроумная) догадка благоразумных родителей невесты, что Аркадий Иванович, вероятно, до того уже где-нибудь нахлестался пьян, что уж и себя не помнит, — тотчас же пала сама собою* (с. 303). И в самой сцене самоубийства Свидригайлова он снова соотносится с классом пьяных, обладающих определенным стереотипом поведения: *Оба они, Свидригайлов и Ахиллес, несколько времени, молча, рассматривали один другого. Ахиллесу наконец показалось непорядком, что человек не пьян, а стоит перед ним в трех шагах, глядит в упор и ничего не говорит* (с. 308).

Выводы

Итак, какова роль вакхической лексики в организации романа «Преступление и наказание» помимо ее собственного номинативно-предметного значения?

Во-первых, автор, безусловно, показывает обезображенный вид пьяного и его поступков, вонь и грязь обстановки распивочных, кабаков и других «съестно-выпивательных» заведений, но в то же время ставит вопрос о соотношении с верой и идеей всепрощения. Вопрос о высоком,

нравственном, духовном решается при описании низкого, безнравственного и аморального.

Во-вторых, вакхическая лексика используется для выражения сильного эмоционального потрясения, физическое воплощение которого отождествляется с алкогольным опьянением.

В-третьих, вакхическая лексика выполняет символическую роль. Так, за словом *пьяненькие* стоит не просто диминутив, а класс людей (т. н. *маленькие люди*), потерявших надежду, те, которым *некуда больше пойти* и которые не в силах что-либо изменить. *Мертво-пьяный поперек пути* для Свидригайлова и Раскольникова связывает их и показывает тупиковость того пути, который выбран.

Литература

- Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
- Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. 505 с.
- Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 3–26.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 28, кн. 2. Письма, 1860–1868 / текст подгот. и примеч. сост. А. И. Батюто и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 616 с.
- Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Славянка, 1993. 335 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
- Караулов Ю. Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского // Слово Достоевского. 2000. Сб. ст. / Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 2001. С. 424–444.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 31.07.2019).
- Павлов А. М., Лагода М. А. Образы еды и питья в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Критика и семиотика. 2006. Вып. 9. С. 78–91.
- Пухачев С. Б. Кинеситические наблюдения над романом Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 36. С. 46–49.
- Ружицкий И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление: дис. докт. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2015. 647 с.
- Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. М.–Л.: Наука, 1964. 404 с.

References

- Apresyan Yu. D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii T. I: Paradigmatika* [Research on semantics and lexicography. Vol. I: Paradigmatics]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2009. 568 p.
- Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii v 7 t. T. 6. Problemy poetiki Dostoevskogo* [Collected works in 7 vols. Vol. 6. Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Russkie Slovarei, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2002. 505 p.
- Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works in 30 vols.]. Vol. 28, Book 2. *Pis'ma, 1860–1868* [Letters, 1860–1868]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 616 p.
- Dostoevsky F. M. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow, Slavyanka Publ., 1993. 335 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols. RAS, Institute of Linguistics Research]. Moscow, Russkii Yazyk Publ.; Poligrafresursy Publ., 1999.
- Fridlender G. M. *Realizm Dostoevskogo* [Realism of Dostoevsky]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1964. 404 p.
- Karaulov Yu. N. [The concept of idioglossa and dictionary of Dostoevsky's language]. *Slovo Dostoevskogo. 2000* [Word of Dostoevsky. 2000]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, pp. 424–444. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 31.07.2019).
- Pavlov A. M., Lagoda M. A. [Images of food and drink in Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. 2006, no. 9, pp. 78–91. (In Russ.)
- Pukhachev S. B. [Kinesic observations on F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 36, pp. 46–49. (In Russ.)
- Ruzhitskii I. V. *Yazykovaya lichnost' F. M. Dostoevskogo: leksikograficheskoe predstavlenie*. Dis. dokt. filol. nauk [Language personality of F. M. Dostoevsky: lexicographical representation: Dr. philological sci. diss.]. Moscow, 2015, 647 p.
- Vinogradov V. V. [The language of artwork]. *Voprosy Yazykoznaniya*, 1954, no. 5, pp. 3–26. (In Russ.)